

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.2>

УДК 94(47).084.1

ББК 63.3(2)535

СОВЕЩАНИЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ 29–30 МАРТА 1917 г.: ДИСКУССИЯ О СУДЬБАХ РУССКОГО ТЕАТРА В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

Гордеев Петр Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент

Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

petergordeev@mail.ru

Набережная реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизученному, но важному событию истории русского театра в эпоху революции – совещанию театральных деятелей, состоявшемуся 29–30 марта 1917 г. в Зимнем дворце. На основании ранее не опубликованных материалов из четырех архивных и музейных собраний, а также материалов периодической печати установлен состав участников совещания и круг рассмотренных ими вопросов. В их числе были такие важные проблемы, как объем полномочий органов самоуправления, избираемых артистами, и права комиссаров отдельных театров, стремление деятелей московской казенной сцены добиться максимальной независимости от Петрограда, вопрос о возможном привлечении к разработке театральных реформ представителей Советов рабочих и солдатских депутатов. Многие темы, обозначенные участниками совещания, продолжали обсуждаться на протяжении всего периода революции.

Ключевые слова: история театра, государственные театры России, революция 1917 года, В.Э. Мейерхольд, А.И. Сумбатов-Южин, Ф.А. Головин.

Февральская революция, изменившая весь строй государственной жизни России, не могла не коснуться самым решительным образом и векового уклада императорских театров (таковых революцией было пять: в Петрограде – Мариинский, Александринский и Михайловский, в Москве – Большой и Малый), находившихся до тех пор в подчинении Министерства императорского двора (далее – МИДв). Известному деятелю кадетской партии, бывшему председателю II Государственной Думы Ф.А. Головину (назначенному 8 марта 1917 г. комиссаром над бывшим МИДв) и его помощнику П.М. Макарову (архитектору, революционеру и, так же как и Головин, видному масону [6, с. 40–53]) выпала задача выработки своеобразной театральной

«конституции», в тексте которой получили бы свое разрешение многие вопросы, поставленные революцией перед государственными (бывшими императорскими) театрами. Однако принимать столь важные решения единолично и затем спускать их по инстанции в приказном порядке было после Февраля невозможно; Головину и Макарову сначала следовало познакомиться с мнениями наиболее известных и влиятельных представителей казенной, «образцовой» сцены. К решению этой задачи они и приступили в конце марта 1917 года.

29 и 30 марта в Зимнем дворце, в служебных апартаментах комиссара над бывшим МИДв, проходило совещание деятелей государственных театров Петрограда и Москвы (под председательством в первый день

П.М. Макарова, на которого в конце марта было возложено управление государственными театрами [10, с. 6], а во второй – самого Ф.А. Головина). Свидетельства о нем лиц, стоявших в то время близко к театральным делам (но лично на совещании не присутствовавших), поразительно единодушны. Так, комедант петроградских государственных театров В.Ф. Беспалов вспоминал: «Совещание это, по отзывам наших представителей, было типичнейшей для этого времени говорильней. Единственно, что было сказано четко и громко, это предложение московских делегатов Южина и Собинова окончательно отделить Большой и Малый театры от Петроградских государственных театров. Москва хотела самоуправляться» [1, с. 49]. Директор театров В.А. Теляковский, которого о ходе заседания информировал А.И. Сумбатов-Южин, записал 30 марта в дневнике: «Южин остался опять недоволен, ибо, по его мнению, ничего путного из этих разговоров не выходит. <...> Говорили об автономии, но как разделить, как отделить театры и как должна функционировать Контора, до этого не договорились. Одно общее желание Москвы – это отделиться от Петрограда». Своим недовольством работой совещания делился с директором театров и режиссер Александринского театра Е.П. Карпов, выразивший сожаление об отсутствии Теляковского на совещании [17, л. 83 об.–84]. Не особенно лестное мнение об итогах заседания сложилось и у А.Н. Бенуа (тоже, подобно Беспалову и Теляковскому, на самом совещании не присутствовавшему и знавшему о нем от других лиц). «Заседание <...> было сплошным скандалом», – записал А.Н. Бенуа в своем дневнике 30 марта о предшествующем дне. «Кроме приглашенных явились незваные режиссеры и актеры с претензиями на то, что с ними не желают считаться. Головин не был, председательствовал Макаров, который только и отбивался от ударов, сыпавшихся на него со всех сторон. Все труппы и даже плотники и медицинский персонал спелись за эти дни и, чувствуя, что над ними нет дирижера, сложились в автономные коллективы» [2, с. 234].

И все же – было ли это двухдневное заседание только лишь «говорильней» и «скандалом», на котором четко был заявлен лишь вопрос московской «независимости»? Для от-

вета на поставленный вопрос необходимо реконструировать ход совещания и проанализировать его итоги. Предпримем попытку это сделать.

Протокол заседания 29 марта обнаружить пока не удалось; однако в нашем распоряжении имеются источники, позволяющие определить состав участников и воссоздать картину имевших место на заседании дебатов. В частности, наряду с публикациями в прессе, важным источником в данном случае является дневник Д.В. Философова, принявшего в заседании (вместе с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус) активное участие. Помимо них, 29 марта в совещании участвовали: П.М. Макаров (председатель), представители Александринского театра – актер В.Н. Давыдов, режиссеры Е.П. Карпов и В.Э. Мейерхольд (последний не был выбран труппой как делегат); Мариинского театра: оперной труппы – дирижеры А.К. Коутс, Н.А. Малько, режиссер Н.Н. Боголюбов и балетной труппы – режиссер И.Н. Иванов и балетмейстер М.М. Фокин. Москву в целом и труппу Малого театра в частности представлял комиссар московских государственных театров А.И. Сумбатов-Южин; делегатами Большого театра были управляющий театром Л.В. Собинов и его заместитель Ф.В. Павловский. Кроме того, в заседании приняли участие не служившие в государственных театрах, но пользовавшиеся авторитетом в театральном мире бессменный директор МХТ В.И. Немирович-Данченко и руководитель Мастерской Общедоступного и Передвижного театра П.П. Гайдебуров [3; 7; 9; 13; 14; 16; 18, с. 150–151]. Подавляющее большинство участников совещания были без преувеличения выдающимися театральными деятелями, имевшими всероссийскую (а некоторые – и мировую) известность.

Заседание, после вступительного слова председательствующего П.М. Макарова, открылось речью А.И. Сумбатова-Южина. По газетным заметкам можно составить о ней лишь весьма поверхностное представление; так, по сообщению корреспондента «Петроградской газеты», «А.И. Южин прочел проект устава московского Малого театра, главной мыслью которого является полное отделение от петроградских Государ-

ственных театров» [7]. К счастью, в нашем распоряжении имеется источник, позволяющий с гораздо большей степенью полноты реконструировать выступление этого выдающегося артиста и театрального администратора.

В личном фонде А.И. Сумбатова-Южина, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ), имеется, среди прочих документов, текст собственноручно написанной артистом речи, обращенной к участникам некоего совещания [4, л. 2]. Хотя этот документ не датирован, можно предположить, что речь готовилась Южиным именно для совещания 29–30 марта (в тексте звучит требование о необходимости получения каждым из московских театров самостоятельности в управлении, актуальное лишь до 31 марта 1917 г., так как в этот день управление московскими театрами, ранее целиком находившиеся в руках Южина, было разделено: Южин назначался комиссаром Малого театра, а Л.В. Собинов – Большого [8, л. 12]) и была произнесена им в первый день заседаний (в обнаруженном нами протоколе заседания 30 марта подобная речь не зафиксирована). «Вопрос о Государственных Театрах и их организации как в отношении их внешнеправового положения, так и внутреннего устройства, нет возможности откладывать до образования Учредительным Собранием нового строя Государства» – так планировал начать свое выступление комиссар московских государственных театров. Большая часть его речи была посвящена необходимости утвердить автономное управление каждым театром. «Как писатель не может творить своего произведения иначе, как в одиночестве, как художник не может писать картины вдвоем <...> так и коллективный художник – театр, и именно каждый **отдельный** театр, не может создать ничего ценного, раз он не будет жить своей обособленной, личной жизнью, связанной с полной свободой не только от внешнего гнета, но и от всякого вмешательства в его творческую работу каких бы то ни было других, таких же коллективных, может быть, даже высокоценных единиц. Театр, как художник, должен работать один, внутри себя, сам по себе. Поэтому – каждый театр должен составлять самостоятельную, свобод-

ную единицу», – завершал свою апологию индивидуализма Южин. В конце речи ее автор предлагал три конкретных меры: во-первых, разделить московские театры от петроградских; во-вторых, разделить управление Большим и Малым театрами и, наконец, в-третьих, «ввиду невозможности немедленно перейти на форму субсидированных театров», вследствие чего «ближайший сезон, до выработки окончательного статута каждого театра, невольно должен сохранить существующую форму театра», Южин выставлял условие самостоятельного распоряжения (со стороны органов самоуправления, избранных труппой) бюджетом и имуществом театра, для чего Московская Контора театров должна была «разделить свои функции и делопроизводство в смысле этого положения» [4, л. 1 – 2 об.].

Отметим, что предложения, высказанные А.И. Сумбатовым-Южиным в речи перед участниками совещания, были в более развернутой форме изложены им в докладе Ф.А. Головину, написанном еще в Москве 28 марта [15]. Речь Южина имела большое значение, так как за ним (и по должности комиссара московских государственных театров, и по общему уважению, которым он пользовался в артистической среде) стояла театральная Москва, поддерживавшая требования автономии московской казенной сцены от Петрограда и децентрализации управления московскими театрами (что, в свою очередь, подталкивало к такой же мере и в отношении петроградских театров). Лозунг широкой автономии театров был выдвинут и в речи представителя Мариинского театра Н.Н. Боголюбова [14].

Одним из важнейших моментов заседания стало выступление на нем Д.С. Мережковского и Д.В. Философова. В дневнике последнего сохранился достаточно подробный отчет об этом. «Сегодня был с Зиной и Дмитрием в Зимнем Дворце на совещании о государственных театрах, – записал Д.В. Философов 29 марта. – ...И смех и горе от этого совещания. Идея его была наша, мы хотели, чтобы Головин и Макаров посоветовались бы интимно с москвичами (Немирович, Станиславский, Стахович), Шурой (А.Н. Бенуа. – П. Г.) и нами. Я же, когда зашла об этом речь несколько дней тому назад, составил теле-

грамму на имя москвичей, за подписью Головина. Вместо этого вышла сплошная чепуха. Макаров назвал кучу народу, причем многие явились “явочным порядком”». Отметив отсутствие среди собравшихся комиссара над бывшим МИДв Ф.А. Головина, Философов саркастически описал царившую в Зимнем дворце атмосферу: «Растерявшийся Макаров, без программы, без всякого плана, открыл фонтан красноречия. Начал Сумбатов – об автономии. Все оказались за автономию. Все театры хотят получать государственные деньги – и ни от кого не зависеть. <...> Тщетно я говорил о необходимости единства, об авторитетной власти, об опасности центробежных сил. Все только обозлились и вообразили, что я мечу на казенный пирог. Сумбатов обращался со мной чуть ли не как с будущим директором! Масла в огонь подлил Дмитрий, сказав, что нужно “лицо” с лозунгом и что театры служили “буржуазии”, – пошла окончательная неразбериха. Умнее всех говорил Немирович. В 6 ½ ч. у меня глаза вылезли на лоб и я вышел. За мной выскочил Дмитрий, затем Зина и мы уехали» [18, с. 150–151; 19, л. 141–141 об.] Речь Философова, как видно, была в своих основных выводах («авторитетная власть», централизация) противоположна выступлению А.И. Сумбатова-Южина и поддержки у участников совещания не получила (так, например, Ф.В. Павловский, согласно газетному отчету о совещании, заявил: «Не должно быть центральной власти, направляющей искусство, так как все направления в искусстве имеют право на существование» [13]).

Отметим тут же один историографический казус. В сообщении об этом заседании, помещенном в московской газете «Раннее утро» (вероятно, со слов кого-то из московской делегации), слова Д.В. Философова были переданы так: «Философов заявил, что говорить об автономии театра – все равно, что говорить о латышской и эстонской республиках. Театры могут автономию понять так, как понял ее Синод. Нужна сильная, твердая центральная власть, которая направляла бы деятельность театров» [там же]. Советский историк театра Я.В. Ратнер, процитировав данную заметку, немного «исправил» речь Философова, что позволило ему нарисовать следу-

ющую тревожную картину: «На первом же совещании по вопросу о театре Головин потребовал ликвидации форм театральной организации, которые родились под влиянием освободительной борьбы, отказа от принципа выборности руководства и известной автономии театра. Реакционеры активно поддержали это требование Временного правительства. Так, известный журналист реакционного толка Философов на этом совещании откровенно заявил: “Нужна сильная, твердая царская власть, которая направляла бы деятельность театра”» [12, с. 115–116]. Не говоря о ничем не подкрепленных утверждениях Я.В. Ратнера о якобы имевшем место требовании Ф.А. Головина ликвидировать «формы театральной организации», обратим внимание на произведенную исследователем фальсификацию – а именно замену «центральной» власти на «царскую», что, в сочетании с вырванной из контекста фразой, придавало всей речи Философова характер «монархической пропаганды».

С уходом Мережковских с совещания их роль на нем не была окончена. Частным порядком и в весьма сокращенном составе заседание продолжилось вечером того же дня на квартире Мережковских (участвовали хозяева, Д.В. Философов, Ф.А. Головин, П.М. Макаров, А.Н. Бенуа и В.И. Немирович-Данченко). Главным вопросом на «домашнем» заседании был вопрос о будущем «комиссаре театров». На этот пост Философов выдвинул кандидатуру Немировича-Данченко, поддержанную собравшимися [5, с. 144].

Более подробно и обстоятельно можно реконструировать дебаты, имевшие место на второй день совещания (30 марта). В фондах Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства нами был обнаружен машинописный (с отдельными рукописными пометками) протокол данного заседания [11]. Обратимся к этому богатому информацией источнику, не введенному еще в научный оборот.

Основной состав участников совещания был тот же, что и 29 марта. Не присутствовали: П.П. Гайдебуров, кружок Мережковских в полном составе и В.И. Немирович-Данченко. Приняли участие в работе совещания делегаты Мариинского театра В.Г. Вальтер и И.Н. Захаровский (об их присутствии на за-

седании 29 марта сведений нами не обнаружено), а также комиссар Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головин.

В самом начале заседания Головин, извинившись за вчерашнее отсутствие («вчера вызванный экстренно на заседание Совета Министров, не имел возможности принять участие в работе»), произнес вступительное слово. Заявив, что «тот переворот, который совершился в России, несомненно, поставил перед театром, как перед всеми остальными учреждениями, организациями, классами и другими ячейками Русского Государства, поставил вопрос о дальнейшем существовании этих учреждений, о том, каковы их судьбы в будущем, после Учредительного Собрания, после полновластия народного представительства, которое выяснит, выработает те основы государственного строя, на которых будет покоиться и развиваться свободная Россия», Головин, говоря о себе и своем помощнике, продолжил: «Мне казалось, как и Павлу Михайловичу, что тот период времени, который остается до Учредительного Собрания, следовало бы использовать в интересах русского искусства; мы полагаем, что оно, несомненно, в свободной России будет развиваться гораздо успешнее, чем развивалось до настоящего времени. Для того чтобы оно могло развиваться успешно, необходимы известные формы, известный порядок, которыми могли бы руководствоваться деятели искусства, чтобы достигнуть цели. Остающийся до Учредительного Собрания период времени следовало также использовать для того, чтобы претворить в определенные проекты те свои мысли, которые имеются по вопросу об организации театрального дела в России в будущем» [11, л. 1]. Признавшись в своей неопытности в театральном деле, комиссар говорил: «Мне казалось, прежде всего, что необходимо ознакомиться с теми настроениями, с теми взглядами, которые существуют в этой области среди театральных деятелей» [там же, л. 1 – 1 об.]. Наконец, заранее отметая часто раздававшиеся в то время возгласы об узурпации чиновниками нового режима власти в искусстве, Головин уверил собравшихся: «Мы с Павлом Михайловичем не хотели пытаться сорганизовать нечто определенное, что могло бы захватить власть в этом деле и повес-

ти по определенному руслу в будущем, этой задачи у нас не было; мы желали осведомиться о том, какие существуют взгляды и настроения, только это и было задачей нашего совещания» [11, л. 1 об.].

После Ф.А. Головина слово взял представитель Александринского театра режиссер Е.П. Карпов, заявивший: «Кроме общих задач, которые выяснили бы значение театра вообще, его стремления, идеи, организации в будущем, нам необходимо сейчас установить, какие директивы и от кого нам можно получить для ведения дела в будущем сезоне». Карпов поинтересовался, утвержден ли выработанный труппой проект автономного управления Александринского театра, представленный в начале марта комиссару Дирекции театров Н.Н. Львову. Однако Головин уклонился от обсуждения конкретных вопросов, ответив, что «эти вопросы настоящего заседания не касаются, они подлежат рассмотрению в порядке установленном. <...> Я имел в виду пригласить кого-нибудь в качестве помощника комиссара, чтобы он вел все эти текущие дела» [там же, л. 2].

Данное предположение Ф.А. Головина, разумеется, не могло остаться без комментариев со стороны театральных деятелей. Представитель Большого театра режиссер Ф.В. Павловский, обращаясь к комиссару над бывшим МИДв, сказал: «Хотелось бы выяснить – какими правами и какими функциями будет обладать будущий товарищ комиссара по управлению Государственными театрами. Этот вопрос является для нас чрезвычайно важным и нас интересующим, мы по этому поводу должны будем в Москве дать отчет». На это Головин пояснил, что «Товарищ комиссара будет пользоваться правами, которые принадлежали бывшему Министру Двора в области театрального дела. Он явится на правах Товарища Министра по определенному ведомству» [там же, л. 3 об.].

Несмотря на призыв Ф.А. Головина ограничиться обсуждением лишь самых общих вопросов, театральные деятели все равно предлагали в своих выступлениях те или иные конкретные меры, причем особенно пристальное внимание было уделено проблеме взаимоотношений трупп с театральным руководством. Комиссар московских государственных

ных театров А.И. Сумбатов-Южин заявил: «Надо установить что-либо определенное, одну власть на выборных началах, власть комиссара <...> Мы хотим в настоящее время не автономного управления в смысле анархии, не зависимости полной от кого-либо, мы просим возможности установления коллегиального, единоличного, но, несомненно, выборного начала управления театром. Это самая скромная из всех наших просьб» [11, л. 7]. Представитель оркестра Мариинского театра В.Г. Вальтер указал на необходимость своеобразного «разделения властей» в театре: «Мы весьма благополучно можем довести наш художественный корабль при одном условии, что на нас не навалит куча чисто хозяйственных дел. Разве мыслимо, чтобы артист занимался освещением, отоплением, плотниками и прочее, должен быть отдельный хозяйственный отдел, который должен находиться в руках комиссара» [там же, л. 6].

В.Г. Вальтеру принципиально возразил Ф.В. Павловский, выступивший с довольно большой и во многом программной речью. Поскольку Павловский представлял наиболее радикально настроенную (из всех бывших императорских театров) труппу Большого театра, то имеет смысл привести пространную цитату из его выступления: «Театр будущего должен строиться на автономных началах, чтобы все исходило от театра, чтобы он мог проявить полноту власти так, как он это понимает. Конечно, театр не может это делать, если в его распоряжении нет ресурсов. Если он думает, например, ставить “Младу”. Он все обдумал, и режиссерский, и артистический составы, а контора ему говорит: вы требуете 100 статистов, а мы можем вам дать 70; вы требуете 100 хористов – довольно и 50 и т. д. Как же можно говорить о художественных заданиях, если вы не обладаете для этого материальными ресурсами и только в зависимости от этого вы можете задаваться целями. Дайте нам возможность заниматься своими делами, а остальные пусть контора решает. Пусть она ведаёт служебные дела, вопрос о пенсиях и т. п. Но постепенно контора должна перестать существовать. Это наше глубокое убеждение. В Государственных театрах должна существовать канцелярия, которая обслуживала бы театры. Управляюще-

го не должно быть, по существу это будет заведывающий канцелярией. Театр будущего должен строиться на автономных началах внутри себя и обладать бюджетным правом. Мы выработаем бюджет. <...> Бюджет нами утверждается, Временное Правительство может его утвердить и может урезать. Мы можем действовать в рамках этого бюджета» [11, л. 9 – 9 об.].

В выступлениях В.Г. Вальтера и Ф.В. Павловского нашли отражение два разных взгляда на пределы театральной «автономии». Если первый из них говорил лишь о художественном самоуправлении труппы, то второй настаивал на предоставлении артистическому коллективу гораздо более широких прав, включая контроль над хозяйственной и финансовой частями театрального дела. Еще более революционным было предложение Ф.В. Павловского об упразднении «конторы» (под ней, как представляется, в данном контексте понимались не только Петроградская и Московская Конторы театров, но и стоявшая над ними Дирекция театров) с заменой ее «канцелярией, которая обслуживала бы театры» при уничтожении единоличного руководства театрами (вместо «Управляющего» – «заведывающий канцелярией»).

П.М. Макаров, сменивший на посту председателя покинувшего заседание Ф.А. Головина, попытался перевести обсуждение от частных вопросов к общим. Он заявил собравшимся: «Мое положение чрезвычайно затруднительно. Ф.А. Головин просил собрание направить в русло прений теоретических соображений (так в тексте. – П. Г.) о будущем русского театра. Собрание все время склоняется к личным хозяйственным вопросам. <...> Я обращаюсь с просьбой, каким образом желает собрание вести заседание, в пределах вчерашних рассмотренных теоретических вопросов или вопросов сегодняшнего дня» [там же, л. 7]. Ему ответил Е.П. Карпов: «Я два дня слышу здесь всевозможные разговоры о чем угодно. О теоретических вопросах театра можно говорить целый год и не договориться ни до чего. Это слишком обширный предмет. <...> Я убежден, что мы опять ни до чего не договоримся, и потому я считаю, что мы должны перейти на вопросы реальные, вопросы дня, и можем разговаривать только о них» [там же, л. 8 об.]. Предложение

Карпова было поддержано и другими участниками заседания (Ф.В. Павловским и И.Н. Захаровским). В итоге Макаров вынужден был констатировать, что разработку вопросов конкретной организации государственных театров «уже время не позволяет начать <...> и, кроме того, мы не подготовлены. Мы назначим другое собрание, и все представители предъявят свои пожелания, свои требования, разделив их на требования, подлежащие немедленному разрешению, и те, которые можно отложить, и тогда можно будет работать планомерно. Я боюсь, что собрание начинает носить характер беспорядочный и неприязненный», – резюмировал Макаров, предложив затем перейти к принятию резолюции [11, л. 8 об. – 9, 11 – 11 об.].

Ее проект вызвал длительные прения, в которых участвовали Н.Н. Боголюбов, И.Н. Захаровский, И.Н. Иванов, Е.П. Карпов, П.М. Макаров, В.Э. Мейерхольд, Ф.В. Павловский, А.И. Сумбатов-Южин, М.М. Фокин. Итоговый вариант, предложенный Н.Н. Боголюбовым, гласил: «Заседание полномочных представителей Петроградских и Московских Государственных Театров, выслушав предложение г. комиссара бывшего Министерства Императорского Двора обсудить задачи и формы будущего устройства Государственных театров, пришло к убеждению, что, при всей важности поставленного вопроса, необходимо предварительно точно установить принцип их деятельности в переходное время до решения Учредительного Собрания, единогласно постановило: Государственные театры в интересах национальных должны существовать в дальнейшем на началах автономии каждого отдельного театра (балета, драмы, оперы) при условиях, гарантирующих полное осуществление этой автономии со стороны г. комиссара бывшего Министерства Императорского Двора» [там же, л. 11 об. – 15]. Таким образом, театральные деятели и в резолюции поставили на первое место не общие пожелания о будущем устройстве театров, а более насущный вопрос об их организации и деятельности в ближайшее время. Подтвержденным оказался принцип «автономии», присутствовавший весной 1917 г. во всех предложениях и постановлениях о судьбе государственных театров.

Любопытная дискуссия разгорелась в самом конце заседания, когда выработывался итоговый вариант резолюции. Слово взял В.Э. Мейерхольд, поддержавший Ф.А. Головина и П.М. Макарова, которые, как уже говорилось выше, призывали устроить обсуждение прежде всего теоретических вопросов театрального дела. В.Э. Мейерхольд предложил созвать еще одно совещание, посвященное именно этой проблематике, на котором «желательно было бы выслушать и представителей Совета Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов]» [11, л. 13 об.]. Последнее предложение встретило резкий отпор со стороны И.Н. Иванова, заявившего: «Я хотя и уважаю чужие мнения, но заседание должно идти самостоятельно, без давления извне. Мы знаем, что Совет Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] сейчас имеет большое значение. Может быть, те мнения, которые они выскажут, произведут давление, что помешает нашему искусству» [там же]. Председатель собрания П.М. Макаров, обращаясь к В.Э. Мейерхольду, отметил: «Мне кажется, что Ваша мысль, безусловно, имеет громадное значение и к ней нужно прислушиваться, потому что судьба театров, бывших Императорских, а ныне народных, зависит от этого мнения, и мы должны пойти навстречу. Мне кажется, что теперь, насколько я знаю, Совет Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] идет вразрез с нашими намерениями, с нашими целями, а если их не приглашать, так сказать не приручать, то может образоваться такая брешь, которую будет очень трудно исправить» [там же, л. 14].

Далее мнения собравшихся разделились. А.И. Сумбатов-Южин полагал, что, «когда говорят о том, каким должен быть будущий русский народный театр, нельзя представителей Совета Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] лишать возможности высказать свое мнение. <...> В связи с этим, [знать], как народ смотрит на будущий театр, – это необходимо, а детальная разработка художественной стороны вне компетенции Совета Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов]» [там же, л. 14 – 14 об.]. Непримиимой осталась позиция И.Н. Иванова, заявившего: «Я думаю, что приглашать представителей из Совета Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] присутствовать при ре-

шении художественных вопросов нежелательно, т. к. благодаря этому нам придется отступить от своих заданий. Мне кажется, гораздо полезнее будет им знакомиться с искусством, посещая театры. <...> прислушиваться к Совету Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] в смысле решения вопроса о театре нельзя, потому что это не вся Россия; прислушиваться можно только к представителям Учредительного Собрания. Я глубоко уважаю чужие мнения и знаю, что есть много лиц, с которыми нужно входить в контакт, но не таким путем. Если бы каждый художник, каждый творец считался с толпой, то никогда ни одного произведения он не создал бы» [11, л. 14 об.]. Солидарен с И.Н. Ивановым был и И.Н. Захаровский: «Задачи нашего театра не столько политические, сколько художественные, и если они требуют авторитетности со стороны сильной партии, то эту силу мы будем иметь не от Совета Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов], который теперь осуждается широкими слоями общества, а от Учредительного Собрания, и только слова Учредительного Собрания будут иметь решающее значение» [там же]. П.М. Макаров, столкнувшись со столь жесткой позицией противников приглашения деятелей Совета, заявил, что его мысль не поняли: «Я не искал авторитетной апробации, но мое мнение – их надо приглашать и воспитывать в том направлении, которое нам желательно» [там же]. В конце концов, вариант итоговой резолюции, предложенный В.Э. Мейерхольдом, в котором говорилось о намерении привлечь «на одно из последующих заседаний <...> представителей от того народа, которому мы призваны искусством служить», принят собранием не был (как уже говорилось, театральные деятели остановились на варианте Н.Н. Боголюбова, не содержащем подобного предположения). После того как была согласована итоговая резолюция и намечен план работ на будущее, собравшиеся выразили аплодисментами благодарность председательствующему П.М. Макарову – и заседание было объявлено закрытым [там же, л. 14 об. – 15].

Каковы же были итоги этого двухдневного совещания? Выше уже были процитированы отзывы о нем, как о «говорильне» и «сплошном скандале»; однако приведенные в настоящей статье материалы заседаний по-

зволяют, как нам кажется, с подобными оценками не согласиться. Во-первых, на совещании Ф.А. Головиным было высказано намерение учредить должность товарища комиссара по управлению государственными театрами (а следовательно, сохранить централизованное руководство этими художественными коллективами). Во-вторых, со стороны театральных деятелей, собравшихся в Зимнем дворце, были поставлены важные вопросы о полномочиях комиссаров отдельных театров, реформировании Московской и Петроградской театральные Контор и, главное – о самоуправлении артистических трупп. Обсуждение последней проблемы выявило две позиции – одну, ограничивавшую полномочия артистов только художественной сферой (ее представлял В.Г. Вальтер), и другую, распространявшую административные права автономной труппы также и на управление имуществом (на чем настаивал Ф.В. Павловский). В-третьих, примечательную дискуссию породило предложение В.Э. Мейерхольда о привлечении представителей Петроградского совета к работам совещания (не поддержанное в итоге большинством участников). В споре между Мейерхольдом и представителями Мариинского театра И.Н. Ивановым и И.Н. Захаровским уже намечалась та линия раскола, которая пройдет через артистическое сообщество после Октябрьской революции, отделив «пошедших к большевикам» от тех, кто не принял Советской власти. Наконец, в-четвертых, участники совещания приняли итоговую резолюцию, в которой было четко проговорено требование театральной «автономии», разделявшееся большинством деятелей государственных театров после Февраля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безпалов, В. Ф. Театры в дни революции 1917 / В. Ф. Безпалов. – Л. : Academia, 1927. – 136 с.
2. Бенуа, А. Н. Дневник. 1916–1918 / А. Н. Бенуа. – М. : «Захаров», 2010. – 768 с.
3. Беседа с Ф. А. Головиным // Петроградский листок. – 1917. – 31 марта. – С. 4.
4. Временное положение об управлении Государственными театрами; проекты инструкций и положений о Малом театре, выработанные Сумбатовым-Южиным А. И. // Российский государственный архив литературы и искусства

(далее – РГАЛИ). – Ф. 878. – Оп. 1. – Д. 114. – Л. 1–301.

5. Гордеев, П. Н. Смена руководства в государственных театрах после Февральской революции / П. Н. Гордеев // Герценовские чтения, 2011. Актуальные проблемы социальных наук. – СПб. : [Б. и.], 2012. – С. 137–155.

6. Гордеев, П. Н. Февральская революция и Министерство двора / П. Н. Гордеев // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. – СПб. : РГПУ, 2011. – С. 21–58.

7. Делегаты от театров в Государственной Думе // Петроградская газета. – 1917. – 30 марта. – С. 5.

8. Журнал распоряжений по Московским государственным театрам // РГАЛИ. – Ф. 659. – Оп. 4. – Д. 700. – Л. 1–64.

9. Заседания артистов в Зимнем дворце // Петроградская газета. – 1917. – 31 марта. – С. 5.

10. Помощник Ф. А. Головина // Петроградская газета. – 1917. – 25 марта. – С. 6.

11. Протокол совещания театральных деятелей Петрограда и Москвы по вопросам организации театрального дела в России // Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. – Ф. 66. – ГИК 20848. – Л. 1–15.

12. Ратнер, Я. В. Из истории советского театра (1917–1919 гг.) / Я. В. Ратнер // История СССР. – 1962. – № 6. – С. 115–125.

13. Собрание сценических деятелей в Зимнем дворце // Раннее утро. – 1917. – 8 апр. – С. 5.

14. Судьба государственных театров // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). – 1917. – 30 марта. – С. 4.

15. Сумбатов-Южин, А. И. Докладная записка А. И. Южина Комиссару по бывшему Министерству императорского двора о реорганизации управления Московскими театрами / А. И. Сумбатов-Южин // РГАЛИ. – Ф. 2579. – Оп. 1. – Д. 1455. – Л. 1–4.

16. Театр и музыка // Речь. – 1917. – 31 марта. – С. 5.

17. Теляковский, В. А. Дневник 1916–1917 гг. / В. А. Теляковский // Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина. – Ф. 280. – № 1325. – Л. 1–130.

18. Философов, Д. В. Дневник / Д. В. Философов // Звезда. – 1992. – № 3. – С. 147–166.

19. Философов, Д. В. Дневник / Д. В. Философов // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 814. – Ед. хр. 2. – Л. 1–142 об.

2. Benua A.N. *Dnevnik. 1916–1918* [Diary. 1916–1918]. Moscow, Zakharov Publ., 2010. 768 p.

3. Beseda s F.A. Golovinyim [Interview with F.A. Golovin]. *Petrogradskiy listok*, 1917, March 31, p. 4.

4. Vremennoe polozhenie ob upravlenii Gosudarstvennymi teatrami; proekty instruksiy i polozheniy o Malom teatre, vyrobotannye Sumbatovym-Yuzhinym A.I. [Temporary Regulation on Administration of State Theatres; Draft Guidelines and Regulations of the Maly Theatre, Developed by A.I. Sumbatov-Yuzhin]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 878, op. 1, d. 114, l. 1-301.

5. Gordeev P.N. Smena rukovodstva v gosudarstvennykh teatrah posle Fevral'skoy revolyutsii [The Change of Leadership in State Theatres after the February Revolution]. *Gertsenovskie chteniya, 2011. Aktualnye problemy sotsialnykh nauk* [Herzen Readings, 2011. Current Problems of Social Sciences]. Saint Petersburg, 2012, pp. 137-155.

6. Gordeev P.N. Fevral'skaya revolyutsiya i Ministerstvo dvora [The February Revolution and the Ministry of Court]. *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady* [The Revolution of 1917 in Russia: New Approaches and Views]. Saint Petersburg, RGPU Publ., 2011, pp. 21-58.

7. Delegaty ot teatrov v Gosudarstvennoy Dume [Delegates from Theatres in the State Duma]. *Petrogradskaya gazeta*, 1917, March 30, p. 5.

8. Zhurnal rasporyazheniy po Moskovskim gosudarstvennym teatram [Journal of Orders on the Moscow State Theatres]. *RGALI* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 659, op. 4, d. 700, l. 1-64.

9. Zasedaniya artistov v Zimnem dvortse [The Sessions of Actors in the Winter Palace]. *Petrogradskaya gazeta*, 1917, March 31, p. 5.

10. Pomoshchnik F.A. Golovina [The Assistant of F.A. Golovin]. *Petrogradskaya gazeta*, 1917, March 25, p. 6.

11. Protokol soveshchaniya teatralnykh deyateley Petrograda i Moskvy po voprosam organizatsii teatralnogo dela v Rossii [The Record of the Meeting of Theatre Leaders of Petrograd and Moscow on the Theatre Organization Issues in Russia]. *Otdel rukopisey i dokumentov Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatralnogo i muzykalnogo iskusstva* [The Department of Manuscripts and Documents of St. Petersburg State Museum of Theatre and Music Art]. F. 66, GIK 20848, l. 1-15.

12. Ratner Ya.V. Iz istorii sovetskogo teatra (1917–1919 gg.) [From the History of Soviet Theatre (1917–1919)]. *Istoriya SSSR*, 1962, no. 6, pp. 115-125.

REFERENCES

1. Bezpалov V.F. *Teatry v dni revolyutsii 1917* [Theatres in the Days of Revolution of 1917]. Leningrad, Academia Publ., 1927. 136 p.

13. Sobranie stsenicheskikh deyateley v Zimnem dvortse [The Meeting of Theatre Leaders in the Winter Palace]. *Rannee utro*, 1917, April 8, p. 5.

14. Sudba gosudarstvennykh teatrov [The Fate of the State Theatres]. *Birzhevye vedomosti* (vecherniy vypusk), 1917, March 30, p. 4.

15. Sumbatov-Yuzhin A.I. Dokladnaya zapiska A.I. Yuzhina Komissaru po byvshemu Ministerstvu imperatorskogo dvora o reorganizatsii upravleniya Moskovskimi teatrami [A.I. Yuzhin's Memorandum to the Commissar of the Former Ministry of Imperial Court on the Reorganization of Moscow Theatres Management]. *RGALI* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 2579, op. 1, d. 1455, l. 1-4.

16. Teatr i muzyka [Theatre and Music]. *Rech*, 1917, March 31, p. 5.

17. Telyakovskiy V.A. Dnevnik 1916–1917 gg. [Diary of 1916-1918]. *Arkhivno-rukopisnyy otdel Gosudarstvennogo tsentralnogo teatralnogo muzeya imeni A.A. Bakhrushina* [Archive and Manuscript Department of the State Central Theatre Museum Named After A.A. Bakhrushin]. F. 280, no. 1325, l. 1-130.

18. Filosofov D.V. Dnevnik [Diary]. *Zvezda*, 1992, no. 3, pp. 147-166.

19. Filosofov D.V. Dnevnik [Diary]. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki* [The Manuscripts Department of the Russian National Library]. F. 814, ed. khr. 2, l. 1-142 ob.

THE CONFERENCE OF THEATRE LEADERS ON MARCH 29-30, 1917: DISCUSSION ON THE FATES OF THE RUSSIAN THEATRE IN THE AGE OF REVOLUTION

Gordeev Petr Nikolaevich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia
petergordeev@mail.ru
Naberezhnaya reki Moyki, 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the understudied but important event in the history of Russian theatre in the age of revolution – the conference of theatre leaders, held on March 29–30, 1917 in the Winter Palace. The study is aimed at determining the circle of participants, highlighting the discussed issues, evaluating the overall significance of the conference in the history of Russian theatre. In the process of research the author used a number of new archival materials, the most important of which are the recordings of the meeting of March 30 (found by the author in the collections of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music and introduced to the scientific world for the first time). On the basis of these recordings, as well as other archival materials and publicistic articles, the author managed to determine the circle of theatre leaders who participated in the conference. They include such outstanding representatives of the Russian theater as V.E. Meyerhold, M.M. Fokin, A.I. Sumbatov-Yuzhin and L.V. Sobinov. They discussed the responsibilities of self-government, elected by the actors, the rights of the theatre commissars, the pursuit of Moscow scene to achieve the maximum independence from Petrograd as well as the functions of the assistant commissar of the Provisional Government of the former Ministry of the Court. The question about the possible involvement of Soviet Workers and Soldiers in the development of theatrical reforms provoked lively debates (the proposal was not supported by the majority of the participants). The final resolution of the conference stated the demand of the “autonomy” for state theatres. The significance of the conference consists primarily in the fact that it revealed some common intentions of theatre leaders as well as contradictions on a number of issues, many of which were raised for the first time at this conference and were continually discussed throughout the revolution.

Key words: history of theatre, Russian state theatres, revolution of 1917, V.E. Meyerhold, A.I. Sumbatov-Yuzhin, F.A. Golovin.